

Анастасия
ГРАДЦЕВА

БЫВШИЕ

Сын для чемпиона

Анастасия Градцева

Бывшие. Сын для чемпиона

«Автор»

2026

Градцева А.

Бывшие. Сын для чемпиона / А. Градцева — «Автор», 2026

— Я Данил, — говорит мой сын, глядя на знаменитого футболиста, по какой-то причине вернувшегося в родной город. — Данил Лебедев. Запишите меня.
— Привет, Данил, — невозмутимо говорит Ардовский. — Конечно, запишу. А где твои родители?— Папы у меня нет, а мама вот! — Даня бесхитростно показывает на меня пальцем. Ардовский поворачивается вслед за этим жестом, и тут его взгляд натывается на меня. Улыбка моментально сползает с его красивого лица. Меня трясет так, как будто я попалась на месте преступления, а мозг судорожно пытается успокоиться. Нет причин для паники. Ни одной. Он не сможет понять. Никак. Даня — моя копия. Светлые волосы, голубые глаза, хрупкое телосложение. Он абсолютно не похож на своего биологического отца, который сейчас стоит рядом с ним и, кажется, будет его новым тренером.

© Градцева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	14
Глава 4.	19
Глава 5.	23
Глава 6.	28
Глава 7.	33
Глава 8.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анастасия Градцева

БЫВШИЕ. СЫН ДЛЯ ЧЕМПИОНА

Глава 1.

— Я очень боюсь, мам, — еле слышно говорит Даня.

И это видно. Он весь бледный, кулачки сжаты, в глазах паника.

— Тогда пойдем домой? — тут же предлагаю я. — В секцию можно записаться и в следующем году.

— Нет. Я хочу сейчас.

Черт.

Это не входило в мои планы.

Я была уверена, что мой застенчивый ребенок передумает уже на пути к футбольному стадиону, и меня этот вариант более чем устраивал.

Ненавижу футбол.

И футболистов.

Надо же было так не повезти, что Даня увлекся именно этим дурацким спортом. Посмотрел матч по телевизору, пока сидел у соседки, и как с ума сошел. На Новый год выпросил футбольный мяч и теперь буквально спит с ним в обнимку.

Я сопротивлялась идее ходить на футбол всю весну и все лето. Рассказывала, что шахматы тоже спорт, что легкая атлетика гораздо полезнее, а уличные танцы так вообще мечта любого крутого пацана.

Но Даня был непреклонен, и я сдалась.

В моей жизни нет ничего важнее сына. И если он хочет ходить на этот мерзкий футбол, я отведу его туда. Пусть попробует, пусть сам поймет, что эта агрессивная игра не для него, и мы вместе закроем эту страницу.

— Вы на пробное занятие? — спрашивает пожилой тренер у входа.

— Здравствуйте, да.

— Какой год рождения? — Он задает этот вопрос Дане, но тот упрямо опускает глаза в пол и молчит.

— Семнадцатый, — отвечаю я за сына и беру его за холодную, чуть влажную от пота ладошку.

Обычно он не разрешает мне брать его за руку, но сейчас не сопротивляется и даже наоборот сильно сжимает пальцы, словно пытаюсь найти во мне уверенность, которой ему самому не хватает.

— Семнадцатый, значит, — тренер широко улыбается. — Счастливчики!

— Почему?

— Узнаете. Идите на поле, скоро ваш тренер подойдет.

— А это разве не вы? — немного растерянно уточняю я.

Мне понравился этот мужчина, он выглядит спокойным и опытным. Может, хотя бы кричать не будет на детей.

— Я в этом году не набираю. Идите, идите.

Мы подходим к краю зеленого футбольного поля, где такие же дети, как мой, уже бегают с мячом. Но в отличие от Дани эти мальчики веселые, шумные и уверенные, а мой малыш прижался ко мне и стоит, опустив взгляд.

Как он пойдет к толпе незнакомых ребят? Он слишком чувствительный, слишком стеснительный.

Может, все же стоило уехать домой?

— Всем привет, — раздается вдруг за моей спиной веселый мужской голос.

И что-то такое знакомое есть в его низком звучании, в чуть нагловатых интонациях, что у меня в животе все скручивается, а кровь резко приливает к лицу.

Нет. Нет, нет, нет, этого не может быть.

Ему нечего тут делать.

Это галлюцинации.

Я поворачиваюсь, и мое сердце мгновенно подскакивает к самому горлу.

Повзрослевший, возмужавший, но...

Это он.

Это действительно он.

Перед глазами все плывет.

Я должна схватить Даню и бежать отсюда куда глаза глядят, но мои ноги словно приросли к полу.

Мой сын восторженно выдыхает:

— Ардовский! Мама, смотри! Это же Ардовский! Видишь?

Вижу.

Вижу и глазам своим не верю.

Какого хрена он тут забыл?

Вокруг нас поднимается какой-то невообразимый шум, потому что все родители и дети начинают продираться к Ардовскому, выкрикивать его имя, но он просто поднимает руку и одним жестом заставляет всех замолчать.

— Привет, — говорит он с уверенной ухмылкой. — Рад, что меня все еще помнят в родном городе. Приятно вернуться домой. Расписаться на майках всем успею, не бойтесь. Сфоткаться тоже можно будет.

— А почему вы не во Франции? — выкрикивает чей-то звонкий детский голос.

— Травмировался, — Ардовский разводит руками. — Бывает.

— А вы теперь тут будете играть?

— Нет, играть я пока не буду, буду тренировать.

— Нас?! — кричит один из мальчишек.

— Если ты... — Ардовский быстро смотрит в свои бумаги. — Семнадцатого года рождения, то да. Вставайте в очередь, парни. Я всех запишу, и пойдем на поле.

Сначала повисает недоверчивая тишина, а потом она взрывается десятками радостных детских криков. И Даня вопит вместе с ними.

— Мои тренером будет Ард! Сам Ард! Мама! Ты представляешь?!

— Ага, — бормочу я.

— Мама! — возмущается Даня. — Ты что! Ты вообще знаешь, кто это?

К сожалению, да, малыш.

Знаю лучше, чем ты думаешь.

— Сынок... — Я присаживаюсь перед ним на корточки. Мне надо его уговорить. Любой ценой. — Сынок, я думаю, что не стоит так радоваться. Обычно хорошие игроки становятся плохими тренерами. Нам это не подходит. Давай поедем завтра в «Юность», они тоже набирают игроков. А сейчас в кафе пойдем. Мороженое купим. Все, что хочешь, купим.

Огромные голубые глаза Дани мгновенно наполняются слезами.

Нижняя губа обиженно дрожит.

Мой ребенок смотрит на меня так, как будто я его предала.

— Я не хочу в кафе, я хочу остаться! Мама! Пожалуйста!

— Даня, солнышко... — Я обнимаю его, а внутри все рвется от отчаяния. — Я против. Пожалуйста, поехали домой.

— Ты обещала! — кричит он.

— Малыш, поехали.

Я встаю, беру его за руку и осторожно тяну в сторону выхода, но Даня неожиданно вырывает у меня ладошку и яростно бросается к очереди из детей и родителей, стоящей к Ардовскому.

Даня — мой стеснительный и скромный Даня! — не просто встает в эту очередь, а проталкивается к самому ее началу и громко выпаливает прямо в лицо Ардовскому:

— Я Даня. Данил Лебедев. Запишите меня.

— Привет, Данил, — невозмутимо говорит Ардовский. — Конечно, запишу. А где твои родители?

— Папы у меня нет, а мама вот! — Даня бесхитростно показывает на меня пальцем.

Ардовский поворачивается вслед за этим жестом, и тут его взгляд натывается на меня. Улыбка моментально сползает с красивого лица.

Черт.

Меня трясет так, как будто я попала на месте преступления, а мозг судорожно пытается успокоиться.

Нет причин для паники. Ни одной.

Он не сможет понять.

Никак.

Даня — моя копия. Светлые волосы, голубые глаза, хрупкое телосложение.

— Полина? — Ардовский удивительно быстро приходит в себя и снова сияет своей небрежной улыбкой. — Привет. Подойдешь? Тут надо расписаться.

— Привет, Вадим, — сухо говорю я и иду к нему.

К нему и своему сыну.

Который, к счастью, абсолютно не похож на своего биологического отца.

Я не глядя расписываюсь в какой-то таблице напротив фамилии своего ребенка и быстро отхожу в сторону, чтобы Ардовский не успел меня ни о чем спросить.

Впрочем, он бы и не смог: за нами еще толпа народу и все хотят не только отметить своего ребенка, но и получить автограф или фотографию с живой легендой.

Даня убегает к другим детям на поле и стоит там в сторонке, не решаясь даже попросить у них мяч.

Но и ко мне не идет. Наверное, боится, что я заберу его домой.

А я бы забрала.

Если бы могла.

Начинается тренировка: ее ведет Ардовский и еще какой-то молодой парень. Родители сидят на трибунах и внимательно смотрят. Многие хотели подойти поближе, но нам сказали, что нельзя: дети будут на нас отвлекаться.

Я тоже, как и все, слежу за своим малышом: смотрю, как он старательно выполняет упражнения с мячом, как бежит наперегонки с другими ребятами и внимательно слушает тренера.

Ардовского.

Чертов Ардовский!

Я бы очень хотела на него не смотреть, но не получается. Этот мудака как назло все время рядом с Даней. Показывает ему, как бить по мячу, улыбается и даже несколько раз одобрително кивает и треплет его по голове, ероша светлые волосы.

Внутри все судорожно сжимается, особенно когда мой малыш сияет широкой улыбкой и смотрит на Ардовского, как на бога.

Ардовский не имеет никакого права трогать моего ребенка! И мне плевать, что он сейчас его тренер.

Пусть этот мудака держится подальше от Дани. Он к нему не имеет никакого отношения. Я с трудом успокаиваю дыхание и снова перевожу взгляд на поле.

Там завершается разминка и упражнения, теперь детей делят на несколько команд, и все они по очереди играют в футбол друг с другом. Я мало что понимаю в этой игре, но даже мне очевидно, что Даня на поле... бесполезен.

Он стоит столбом среди других играющих и даже не пытается куда-то бежать. Остальные мальчишки толкаются, почти дерутся друг с другом за мяч, но только не мой сын. Он топчется в сторонке. А когда один раз мяч летит прямо к нему, Даня не бежит с ним к воротам, а просто передает другому игроку.

Выглядит так, как будто он пытается поскорее от этого мяча избавиться.

И вообще я бы сказала, что Дане очень некомфортно тут.

Мне правда жаль, что мечта моего сына разбилась о реальность, но это чувство перекрывается диким облегчением.

Все. Больше никакого футбола в нашей жизни.

Я родила умного, тонко чувствующего мальчика, и он не создан для этой тупой игры. Точка.

И даже если сам Даня думает иначе, не страшно. В любом случае после этой пробной тренировки в команду его не возьмут. Готова спорить на что угодно.

Звучит резкий свисток: игра окончена.

Тренировка тоже.

Пока дети под руководством второго тренера собирают с поля мячи и цветные конусы, Ардовский выходит с поля и направляется к нам. К родителям.

— Боже, какой же он красавчик, — восхищенно бормочет какая-то мама рядом со мной. — Интересно, он свободен?

— Он женат, — возражает вторая. — На модели. Тая Левина, кажется.

— Глазастая такая?

— Да. У нее еще волосы такие длинные.

Женщина огорченно вздыхает, продолжая облизывать взглядом приближающегося Ардовского.

Восемь лет назад он был худым, хоть и сильным. Легко поднимал меня на руки.

Сейчас же вся его фигура сплошные мышцы.

И лицо все такое же красивое: темные волосы, волной падающие на лоб, ровный нос, яркие карие глаза и чувственная линия губ.

Но во мне это не вызывает никаких эмоций. Никаких. Все давно отболело.

Единственное, что я хочу — взять Даню и уйти. Оказаться подальше отсюда. От поля, от футбола, от Ардовского, который стоит тут с таким видом, как будто он король всего мира.

— Спасибо всем, кто сегодня пришел, у вас отличные пацаны, — говорит Ардовский, обращаясь к родителям. — Жаль, что мы не можем взять всех. Реально жаль. Но мест в команде только двадцать.

Он зачитывает фамилии тех, кто прошел. Я слушаю вполуха, потому что уверена: Дани там нет. Даже мне было видно, что у него не получается.

— ... Викторов Александр, Ильин Ярослав, Кроховский Максим, Лашин Егор, Лебедев Данил..

Данил?!

Я вскакиваю и растерянно смотрю на Ардовского.

Он тоже смотрит на меня, пока дочитывает оставшиеся несколько фамилий. На его красивых губах играет мягкая усмешка.

Моя растерянность медленно переплавляется в ярость.

Он специально это сделал! Специально — чтобы поиздеваться надо мной и над Даней!

Счастливые родители, прошедшие отбор, бегут к своим детям, чтобы сообщить им хорошие новости, остальные медленно покидают трибуны и стадион, и только я все стою, застыв на месте как столб и сжав руки в кулаки.

А Вадим Ардовский неторопливо направляется в мою сторону, поднимаясь по ступенькам трибуны.

Глава 2.

— Поздравляю, — говорит мне Вадим. — Твой сын прошел.

Я молчу.

— Не ожидал тебя здесь встретить, — продолжает он, так и не дождавшись от меня никакой реакции. — Я спрашивал про тебя у мамы. Она говорила, что ты поступила и уехала в другой город.

От упоминания его мамы меня едва не передергивает.

— Да, уехала, — сухо подтверждаю я. — В Москву.

— А сейчас?

— Вернулась.

— Давно?

— Год назад.

— Понятно. — Ардовский смотрит на меня пристально. — Я не знал, что у тебя... ребенок.

Последнее слово он произносит вопросительно и настороженно, и я моментально напрягаюсь.

Ардовский что-то подозревает?

Он не должен узнать.

Никогда.

— Это моя вторая ошибка молодости, — говорю я небрежно. — Сначала ты, потом отец Дани. На этом я решила закончить с отношениями, потому что уже поняла, что вселенная посылает мне исключительно козлов.

Когда-то я была уверена, что моя случайная беременность — та самая ниточка, которая снова свяжет нас с Вадимом. Я думала, что это знак судьбы.

Но сейчас все иначе.

Я не позволю Ардовскому опять разрушить мою жизнь.

— Сколько лет твоему сыну? — спрашивает он, и по моему позвоночнику прокатывается ледяная волна.

— Даня родился в семнадцатом году, — скучным голосом говорю я, хотя внутри меня всю трясет. — А ты меня бросил весной шестнадцатого. Это на случай, если ты вдруг не умеешь считать.

Как я сейчас радуюсь, что почти на неделю переносила малыша и родила его в итоге первого января семнадцатого года, а не в декабре шестнадцатого!

А дальше я иду ва-банк.

— Поверь, если бы это сделал ты, — хлестко говорю я и кривлю губы, как настоящая стерва, — то от алиментов бы не отвертелся. Ты ведь хорошо зарабатываешь, правда?

Ардовский хмурится. Удивленно смотрит на меня.

— Ты... изменилась, — медленно говорит он.

Конечно, изменилась.

Та хорошая послушная девочка, которая до одури влюбилась в красивого футболиста, просто не справилась бы с тем, что на нее свалилось. Мне пришлось стать сильной. Мне пришлось стать злой.

Особенно когда заболела раком моя мама.

Я тогда, к счастью, уже получила свои первые хорошие деньги за сценарий. При нормальном раскладе мы могли бы втроем жить на эту сумму почти полгода, но у жизни другие планы. Все, что я заработала, ушло на оплату маминной операции, которая дала ей еще несколько месяцев жизни.

А потом метастазы в легкие, остановка дыхания, и мы с Даней остались в этом мире одни. Совершенно одни.

— Мама! — вдруг доносится ко мне восторженный голос сына. — Мама! Меня берут! Он стоит у края поля, сияет немного беззубой улыбкой и машет мне рукой.

Я давно не видела его таким счастливым.

Вот как я ему сейчас должна сказать, что мы больше не будем ходить на футбол?

Я машу Дане в ответ, чувствуя, как ко мне возвращается прежняя злость.

— Зачем ты его взял? — резко спрашиваю я у Ардовского. — У него же плохо получается. Я сама видела.

— Данил пока теряется во время игры, но он хорошо обращается с мячом и быстро бегает. Потенциал у него есть. Совсем бездарного ребенка я бы не взял, — спокойно отвечает он. — А в чем проблема, Поля? Ты не рада? Разве вы не пришли сюда для того, чтобы попасть в команду?

Когда он произносит имя сына, в сердце вспыхивает короткая острая боль. Но когда следом идет еще и мое имя, то больно становится так, как будто мне вскрыли грудную клетку.

Поля.

Так он называл меня, когда мы гуляли вдвоем по весеннему городу, когда не могли оторваться друг от друга, когда целовались до одури, когда я позволяла ему все-все-все...

— Для тебя я Полина, — резко говорю я. — Можно Полина Сергеевна.

Ардовский удивленно присвистывает.

— Ты что, реально на меня злишься? — недоверчиво спрашивает он. — До сих пор?

Злюсь ли я?

От этого небрежного тона меня моментально переносит в прошлое. Именно таким голосом Вадим мне сказал, что завтра он уезжает. Мы в этот момент лежали в обнимку, его пальцы ласково перебирали мои волосы, и поэтому я даже сначала не поняла его слов.

В смысле уезжает? Куда? Зачем?

— Поль, ты чего? Я уезжаю в Краснодар, в свою команду. У меня была пауза на игры сборной, я просто туда не вошел в заявку. Вот и съездил домой, пока время было. А теперь пора обратно.

— Надолго? — глупо спросила я, потому что все никак не могла в это поверить.

— Навсегда, — фыркнул Вадим. — Я там вообще-то живу и работаю.

— А... — растерянно проблеяла я. — Да. Тогда, конечно.

Я даже заплакать не могла, в таком я была шоке.

Я была уверена, что у нас любовь, я даже не думала, что Вадим сюда приехал на время и что со мной он просто развлекался. Я вообще ни о чем не думала, если честно.

Не думала с того самого момента, когда я пришла к его маме, чтобы заниматься русским, а он вышел в коридор в одних спортивных шортах и улыбнулся мне.

— А ну вон отсюда, бесстыдник! — прикрикнула на него Ольга Викторовна. — Видишь, ученица пришла.

— Привет, ученица, — ухмыльнулся Вадим, подмигнул мне и ушел на кухню.

— Сын ко мне наконец приехал, — пояснила Ольга Викторовна, и в ее голосе звучала гордость. — Я уж думала, не дожусь.

— Да, — пробормотала я не к месту.

— Так, Полина, иди в гостиную, доставай тетради, я сейчас вернусь.

Она ушла вслед за сыном на кухню, а я рылась в сумке и долго не могла найти нужную мне тетрадь. Перед глазами все еще стояло красивое смеющееся лицо этого парня.

Ольга Викторовна вернулась, села рядом со мной и бодро проговорила:

— Что ж, начнем. Сегодня у нас причастия и отлагательные прилагательные.

Я плохо понимала тему, путалась в заданиях и терминах, буквы плясали перед глазами, а Ольга Викторовна сердилась на меня и объясняла все по новой.

Через какое-то время в коридоре что-то зашуршало, затопало, и оттуда донеслось веселое «Я ушел, мам».

— К ужину вернись, — крикнула Ольга Викторовна.

— Вернусь.

Входная дверь хлопнула, и я наконец выдохнула. Мой мозг снова начал функционировать, и вдруг оказалось, что тема сегодня очень простая.

Элементарная, я бы даже сказала.

Особенно для меня, собиравшейся идти на филфак.

А когда я отдала Ольге Викторовне деньги за занятие и вышла на улицу, у подъезда стоял он.

Стоял, привалившись плечом к стене, и не сводил с меня взгляда.

Он был все в тех же шортах и белой футболке, красиво обтягивающей тренированное тело, но я смотрела не на бицепсы. Я смотрела в темные глаза, в которых прыгали черти, и не могла от них оторваться.

У меня внутри полыхало. Каждый нерв в теле казался натянутым проводом, по которому шел электрический ток.

Со мной такого не было никогда в жизни. Ни раньше, ни потом.

— Мама сказала, чтобы я тебя не трогал, — низким, чуть хриловатым голосом протянул он. — Да? — скованно пробормотала я, не зная, куда деваться от смущения и жара, разливающегося по всему телу. — Понятно...

— Как хорошо, что я давно вырос и не обязан слушать маму, — ухмыльнулся он и сделал шаг ко мне. — Я Вадим. А тебя как зовут?

— П-Полина...

— Пойдем гулять, Полина? Погода сегодня классная, тупо просто так дома сидеть.

Меня ждали домашние задания, меня ждала гора непрочитанных книг к поступлению, а еще я обещала маме погладить белье.

— Пойдем, — сказала я.

Мы стали встречаться после моих занятий. Как раз были каникулы, и мы с Ольгой Викторовной занимались почти каждый день, чтобы я могла сдать вступительные на максимальные баллы.

Меня ждал час русского или литературы, а после этого я выходила на улицу и оказывалась в крепких объятиях Вадима. Он уводил меня гулять на набережную или в парк, где нас интересовали только удобные лавочки, скрытые за деревьями. И там мы целовались, до одури, до припухших губ, до чувства мучительной жажды, которую уже нельзя было погасить одними поцелуями.

Был вопрос времени, когда мы дойдем до чего-то более серьезного.

Но я не сомневалась. Мне месяц назад исполнилось восемнадцать, я была влюблена по уши, и с Вадимом я была готова на все.

А потом он просто взял и уехал, даже номера своего не оставил.

Зато через несколько недель стало ясно, что он оставил мне кое-что другое.

— Я не злюсь, — медленно выговариваю я, глядя на повзрослевшего Ардовского. — Просто не хочу, чтобы мой сын занимался у тебя.

Кажется, его это задевает.

— У меня столько профессионального опыта, сколько нет у всех тренеров в этом городе вместе взятых. Ты сомневаешься в моей компетенции?

— Возможно, ты хороший футболист. Спорить не буду. Но человек ты абсолютно отвратительный. А это намного важнее.

Я прохожу мимо оторопевшего Ардовского и случайно задеваю его плечом. От этого короткого касания в теле вспыхивает что-то давно забытое, томительно-сладкое, но я давлю это чувство в зародыше.

Есть дела поважнее.

Меня ждет мой сын.

И мне надо каким-то образом объяснить ему, что эта футбольная секция нам категорически не подходит.

Глава 3.

Даня счастливый, перевозбужденный и безумно разговорчивый. Слова и впечатления льются из него бурным потоком, он даже не стесняется того, что мы едем в автобусе и вокруг нас полно людей.

Для него это редкость!

Я невольно люблюсь его раскрасневшимися щеками и сверкающими голубыми глазами. Мой сладкий малыш, мое маленькое счастье.

За все эти годы я не раз думала о том, что было бы, если бы я струсилась. Если бы пошла на аборт, как мне говорили.

В тот вечер, когда я пришла домой вся в слезах после разговора с Ольгой Викторовной, мамой Вадима, меня встретила моя мама.

— Что случилось? — строго спросила она.

— Мам... я... беременна, — с трудом выговорила я и снова заревела.

— Дура! — Мама размахнулась и залепила мне резкую пощечину. — С ума сошла?! Ты даже школу еще не закончила!

Что ж, после тех слов, которыми меня называла Ольга Викторовна, «дура» звучало даже ласково.

Я бессильно опустилась на пол в коридоре, моя мама ушла на кухню, а потом вернулась и села рядом со мной.

— От кого? — агрессивно спросила она. — Ты не говорила, что у тебя мальчик появился.

— Я не знаю, — жалко пробормотала я. В ушах все еще звучали оскорбления и угрозы Ольги Викторовны, и я просто не могла сказать правду. — Когда ты меня отпускала к Маше с ночевкой, там были друзья ее брата. Я уснула, и меня кто-то из них, наверное...

— Мы идем в полицию.

— Нет! Нет, пожалуйста, я не хочу, чтобы все узнали!

— В полицию, — непреклонно сказала мама. — А потом на аборт.

Но в итоге мы не пошли ни туда, ни туда.

Я плакала три дня, не переставая, и мама, моя жесткая требовательная мама, сдалась.

Она нашла какую-то дальнюю родственницу в Москве, которая готова была предоставить нам жилье в обмен на уход за ней, и увезла меня в столицу сразу после экзаменов.

Аттестат я получила по почте.

Результаты экзаменов тоже, но они были такими ужасными, что я не поступила даже в педагогический, хотя проходной балл там был самый низкий.

Ну а чего еще можно было ожидать, если в аудитории, где мы писали тесты, было душно. Меня так ужасно мучило, что всех моих усилий хватало только на то, чтобы меня не вытошнило на парту.

Пришлось устраиваться кассиром.

— Сделала бы аборт, была бы сейчас студенткой, — сказала мама в сентябре, когда управляющая супермаркетом заметила мой живот и уволила меня в этот же день.

Я ничего не ответила и нашла работу на дому.

Мама ухаживала за лежачей тетей Валею, а я в другой комнате писала рекламные тексты.

Сочинения у меня всегда хорошо получались, не зря же я собиралась на филфак.

До самых родов я жила под осуждающим маминым взглядом, но после того, как на свет появился Даня, ее словно подменили.

Она стала ему самой лучшей бабушкой — веселой, ласковой, заботливой. Не спускала с рук, много с ним занималась, читала, играла, гуляла.

А я в это время работала на двух работах, чтобы всех нас прокормить и заплатить за квартиру. Тетю Валю в один из теплых майских дней увезли на скорой, и обратно она уже не вернулась. Ее племянница разрешила нам остаться в этой квартире, но теперь с нас брали деньги. Меньше, чем по рынку, но все же.

Поэтому днем я была кассиром (после родов устроилась обратно), а по ночам копирайтером.

Было тяжело.

Первые три года жизни своего сына я помню лишь урывками, образования я так и не получила, а счастливое студенческое время, которое мои сверстницы провели в гулянках, для меня было наполнено работой и недосыпом.

Но я ни о чем не жалею.

Зато у меня есть мой сын. Мое счастье, мой смысл жизни.

Страшно подумать, что этого худенького светловолосого мальчишки, который похож на меня как две капли воды, просто могло не быть!

— Мам, а мне тренер сказал, что я быстрый, — продолжает тараторить Даня, не подозревая о моих тяжелых мыслях. — Там нас пять мальчиков бежало, и один меня толкнул, когда мы стартовали, но я все равно его обогнал. Это круто?

— Это круто, сынок, — хвалю его я. — Ты большой молодец. Я всегда говорила, что у тебя быстрые ножки. Может быть, давай попробуем на легкую атлетику походить? Там все бегают и никто не толкается.

— Но я хочу на футбол, — удивленно возражает Даня. Замечает мое лицо и хмурит светлые бровки. — Нельзя?

— Давай дома поговорим, — уклончиво отвечаю я.

— Почему? Меня же взяли! И тренер сказал, что я молодец.

— Ты молодец. Но на футбол мы ходить больше не будем.

— Почему?! — кричит Даня на весь автобус.

Я пытаюсь найти какие-то аргументы, но ни один из них не доходит до моего семилетки. Дома он яростно хлопает дверью своей комнаты, и через секунду оттуда раздаются горькие рыдания.

И боже мой, как же остро я в этот момент ненавижу Вадима Ардовского, который снова появился в моей жизни, и опять все поломал.

Весь вечер Даня не выходит из своей комнаты, и я даю ему это время. Но когда приходит пора ужинать, а он все еще не появляется, я понимаю, что надо что-то делать.

Стучу в дверь.

— Я зайду, малыш?

В ответ молчание.

Осторожно заглядываю в комнату и вижу, как Даня лежит на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Рядом лежит футбольный мяч, который он прижимает к себе, словно любимую плюшевую игрушку.

Даня кажется таким маленьким, таким беззащитным, что у меня больно сжимается сердце.

— Сынок?

Подхожу ближе и понимаю, что он уснул.

Устал, заплакался, и вот теперь спит. И даже во сне вздыхает так жалобно, как будто все еще переживает.

Чувство вины начинает грызть меня изнутри.

Наверное, я была не права, что сразу сказала ему «нет». Наверное, я была слишком резкой, надо было как-то постепенно подводить его к этому решению.

Но разве привести его еще на пару тренировок, а потом запретить было бы лучше?

Или я вообще должна была смириться с тем, что моего сына будет тренировать его отец, который не догадывается об их биологическом родстве?

Видеть каждый день Ардовского, которого я ненавижу, рисковать тем, что он может случайно обо всем догадаться... Разве так надо было поступить?

Может, я и смогла бы, если бы была уверена в том, что Ардовский не ломает своими тренировками моего ребенка. Но я не уверена. Вряд ли такой безответственный и небрежный к чужим чувствам человек может быть хорошим тренером для таких малышей.

Да, именно так. Я правильно поступила.

Но что тогда делать с тем, что Даня так расстроен?

Голова идет кругом.

В родительстве нет правильных ответов. Иногда кажется, что бы ты ни сделала, все равно ошибешься.

Вот прямо сейчас я чувствую себя отвратительной матерью.

Я тяжело вздыхаю, убираю из кровати мяч, укрываю сына одеялом и выключаю свет.

На всякий случай проверяю его еще пару раз посреди ночи, но Даня крепко спит.

Я же наоборот не могу уснуть: слишком изнервничалась. Вырубаясь только ближе к утру, а просыпаюсь от звука футбольного мяча, который с тяжелым равномерным стуком врывается в стенку.

Бум, бум, бум...

На часах шесть утра. На целый час раньше того времени, когда надо вставать в школу.

— Выспался? — со вздохом спрашиваю я, заглядывая в комнату к сыну, где он с упрямым выражением лица пинает мяч в стену, а потом ловит его, падая на пол. Как вратарь.

И снова пинает.

И снова ловит.

— Да. — Даня не прекращает свою тренировку. — Кушать хочу.

— Еще бы, ты же вчера уснул и не поужинал, — говорю я, наблюдая за его реакцией.

Мы еще в ссоре или уже нет?

— Угу.

Он продолжает отрабатывать удары, и на миг я вдруг вижу в его решительно сдвинутых бровях что-то незнакомое. Не мое.

Сквозь нежное детское лицо проглядывает мужчина, которым Данил когда-то станет.

И вот сейчас, в профиль, этот будущий мужчина кажется мне очень похожим на Вадима Ардовского.

Я вздрагиваю. По спине проходит мороз.

— А можно блинчики? — вдруг спрашивает Даня. — С вареньем?

Светлые бровки умильно поднимаются, и это снова мой малыш. Мой, и только мой. Стеснительный ласковый ребенок, умный и чувствительный.

Который создан для научных лабораторий, для математических олимпиад и увлекательных книжек, а не для грубого примитивного спорта.

— Сначала каша, потом блинчики, — с улыбкой говорю я. — Тебе надо хорошо поесть.

— Хорошо!

— И в школу соберись.

— Ладно.

Меня накрывает облегчением. Кажется, все в порядке.

Конфликт исчерпан, Даня успокоился и принял мое решение.

Но после завтрака он отставляет тарелку и, серьезно глядя на меня, спрашивает:

— У нас нет денег?

Я теряюсь.

— Почему ты так решил?

— Мне из-за денег нельзя ходить на футбол? Мы бедные?

— Нет. Нет! — яростно возражаю я. — Ты же видишь: у нас есть еда, я покупаю тебе одежду, игрушки. У нас все есть!

Мой самый большой страх, что мой ребенок будет в чем-то нуждаться.

Поэтому мы и вернулись из Москвы обратно сюда, потому что там с нулем накоплений и двумя кредитами, оставшимися после маминой смерти, я не тянула нашу с Даней жизнь.

Тут хотя бы квартира осталась. Да, со старым ремонтом, но это исправимо.

Я на все заработаю, я дам свою ребенку хорошую жизнь, но мне нужно время. Время и немного удачи.

— Я поищу другие футбольные клубы, мы съездим туда и выберем хорошую команду и хорошего тренера, — обещаю я.

— Я хочу, чтобы меня тренировал Вадим!

— Вадим?!

— Он разрешил нам так его называть, — упрямо говорит сын. — Он классный, мам. Почему он тебе не нравится?

Я молчу.

— И почему он знает, как тебя зовут? — продолжает спрашивать сын.

— Он не знает.

— Он сказал «Полина», когда тебя увидел, — не дает сбить себя с толку Даня.

— Мы... — комок подступает к горлу. — Мы... Немного общались. Давно. Очень давно. *«Мы пообщались, и появился ты...»*

Но этого я, конечно, не говорю и никогда не скажу.

— Не забудь, что сегодня после продленки у тебя шахматный кружок, возьми тетрадку, — говорю я, чтобы перевести тему.

— Я не успею на шахматы.

— Почему?

— Сегодня в три первая тренировка. И Вадим сказал...

— Мне все равно, что сказал Вадим! Ты не идешь ни на какую тренировку!

Я повышаю голос так резко, что сын вздрагивает. Непроизвольно втягивает голову в плечи и смотрит на меня удивленно-обиженным взглядом.

Я стараюсь никогда на него не кричать, но сейчас я еле справляюсь с собой.

Черт, как же сложно...

Делаю выдох.

— Мне не нравится ваш Вадим как тренер, — спокойно говорю я. И один бог знает, чего мне это спокойствие стоит. — Это раз. Два — нам туда далеко добираться. Три — оплата за занятия действительно выше среднего. И четыре — мне очень жаль, что ты со мной не согласен, но пока ты маленький, некоторые решения принимаю за тебя я.

Даня молчит.

— Мы договорились? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами и относит тарелку в раковину. Потом буркает «Спасибо, было вкусно» и идет собирать рюкзак.

Я провожаю его до школы, пытаюсь поцеловать на прощание в щеку, но Даня не дается. Ничего. Вечером помиримся.

— Я приду за тобой после шахмат, в четыре, — говорю я. — Люблю тебя, хорошего дня.

Он мотает головой и уходит по коридору вместе с толпой таких же малышек, а я убеждаю себя, что я правильно поступила.

Бегу домой, быстро переодеваюсь и уезжаю на заказ: в первой половине дня я подрабатываю в клининге, мою квартиры. Да, это не очень престижная работа, но за нее платят сразу,

в этот же день. И это деньги позволяют нам с Даней держаться на плаву, пока я пишу большой сценарий, который мне заказали.

Если его примут, будет много денег. Можно будет и ремонт сделать, и в отпуск на море Даню свозить, и компьютер ему купить. Все будет. Лишь бы сценарий приняли!

Пока оттираю разводы на стене душевой кабинки, думаю над следующей сценой, которую буду писать вечером, и работа идет быстрее.

После того, как квартира сияет чистотой, я бегу домой, готовлю обед и прикидываю, не успею ли немного поспать до того момента, как надо будет идти за Даней.

Но тут звонит телефон. Незнакомый номер.

Может, это хозяйка квартиры, где я была на уборке? Возникли претензии к моей работе?

— Да? — Я поднимаю трубку, и уже в следующую секунду у меня перехватывает дыхание, потому что я слышу низкий, с легкой хрипотцой, голос.

— Полина? Это Вадим Ардовский.

— Д-да... — тупо повторяю я, потому что оказалась совсем не готова к его звонку.

— У нас сегодня в три тренировка, и Данил...

— Данил не придет! — резко перебиваю его я. — Мы приняли решение, что он не будет ходить в ваш кружок.

— Хм.

— Какие-то проблемы? — агрессивно интересуюсь я.

— Только одна. Твой сын уже тут, на стадионе. Пришел со школьным рюкзаком. Я так понимаю, ты об этом не знала?

Глава 4.

— Как на стадионе? — У меня резко слабеют колени, и я хватаюсь за стену. — Он же должен быть в школе!

Я не верю. Просто не верю, что Даня мог так поступить, он же всегда был послушным мальчиком!

Сначала меня накрывает волной злости, но потом...

Потом я представляю себе его путь, и мне становится дурно.

Между школой и стадионом приличное расстояние.

Сначала надо дойти до остановки, затем сесть на нужный автобус, а потом еще идти пешком. Там минимум три дороги с оживленным движением, которые надо перейти. Там гаражи, где иногда стоят компании подростков. Там люди, там бродячие собаки, там...

Там большой взрослый мир, полный опасностей. А Даня еще слишком маленький для этого мира. Его мог увести чужой человек, его могли обидеть, его могла сбить машина, он мог потеряться!

Господи.

От ужаса я не могу нормально соображать, все перекрывает жуткий, какой-то первобытный страх за своего ребенка.

Если бы с ним что-то случилось, я бы не пережила.

Если бы с ним что-то случилось, я бы никогда себе этого не простила.

— Полина? Полина, ты тут? Ты слышишь меня? — пробивается ко мне голос Ардовского.

— Да, — хриплю я. — Я сейчас приеду и заберу его.

— Не торопись, Данил здесь под присмотром, — уверенно говорит Ардовский.

— Я все равно скоро буду. И... — Колеблюсь, но потом сухо добавляю. — И спасибо, что позвонил.

Кладу трубку первой, не дожидаясь ответа от Вадима, и вызываю такси.

Это, конечно, сильно дороже, чем автобус, а наш бюджет и так трещит по швам, но время сейчас ценнее денег.

Когда я вбегаю на стадион, меня все еще потряхивает от пережитого страха. Я нервно оглядываюсь, выискивая взглядом своего ребенка, и тут вдруг сзади на мое плечо опускается горячая тяжелая ладонь.

Я знаю, кто это, еще до того, как оборачиваюсь. Опознаю Ардовского каким-то шестым чувством, как зверь ощущает приближение хищника.

Но не это самое страшное.

Хуже всего реакция моего тела — от одного невинного прикосновения изнутри меня прокатывается горячая волна, оседая в низу живота.

Так было раньше: стоило нам потрогать друг друга, и это запускало необратимую химическую реакцию. Возбуждение и желание были сильнее страха, сильнее разумных мыслей. Я ничего не хотела так, как дышать терпким запахом его кожи, целовать, прижиматься, впаляться в него всем своим телом.

Господи, я думала, что забыла это чувство. Была уверена, что той весной просто мне, юной и влюбленной, гормоны снесли крышу, а сейчас так не будет ни с кем и никогда.

Но вот его ладонь касается моего плеча, и все возвращается, как будто было вчера.

Это пугает до ужаса.

Я отшатываюсь в сторону.

— Руки убери! — грубо выпаливаю я.

Ардовский хмурится.

— Я всего лишь хотел сказать тебе, что Данил на стадионе, вон там, справа.

— Для этого необязательно было меня трогать!

— Необязательно, — после секундной паузы подтверждает он. Но не извиняется. — Ладно, я пошел к команде. Там как раз Макс заканчивает с ними разминку, пора переходить к игровым упражнениям.

— Сначала приведи сюда моего сына, а потом можешь идти куда угодно! — взрываюсь я. — Я думала, Даня будет ждать меня тут. Почему он на поле?

Взгляд у Ардовского становится жестким и каким-то неприязненным.

— Мой игрок, — он делает ударение на слово «мой», — приехал на тренировку. Почему он не должен быть на поле?

— Потому что я не разрешала ему приезжать сюда! И он не твой игрок, а мой сын!

— Мальчик совершил мужской поступок, приехав сюда самостоятельно, — резко отвечает Ардовский. — Думаю, он как минимум заслужил за это тренировку.

— Заслужил? — не верю я своим ушам. — Ты считаешь, что то, что он сделал, это хорошо? Даня соврал мне, ушел из школы без спроса... Он мог попасть под машину! С ним вообще могло случиться что угодно!

— Но не случилось же, — рассудительно замечает Ардовский.

Что?!!

Как же мне сейчас хочется вцепиться ногтями в его отвратительно красивое лицо и царапать его до крови. Он не имеет ни малейшего понятия о том, что такое бояться за своего ребенка!

— Вот поэтому, — выплевываю я с ненавистью, — я и не хочу, чтобы ты учил Даню! Ты безответственный! Тебе плевать на детей!

— Прости, Полина, нет времени слушать твою истерику, — властно перебивает меня Ардовский. — Надо идти на тренировку к детям. Тем самым, на которых мне, по твоим словам, плевать.

— Стой!

— Данила я приведу к тебе после тренировки. А ты пока успокойся, — говорит он с типично мужским пренебрежением. — Не надо орать на пацана только потому, что он посмел вылезти из-под твоей юбки. Рано или поздно это все равно произойдет, Полина. Смирись.

Это настолько по-хамски звучит, что я даже не нахожусь, что ответить.

Просто стою с открытым ртом, пока Ардовский поворачивается ко мне спиной и уходит на футбольное поле.

Какое он вообще право имеет мне такое говорить?! Еще и с таким видом, как будто он гораздо лучше знает, как надо воспитывать детей.

Он хотя бы одного ребенка воспитал?!

Я вдруг вспоминаю, что у Ардовского есть жена и что вполне возможно и дети могут быть.

Да, об этом я не подумала.

Но это все равно не дает ему права учить меня, как я должна общаться со своим сыном! Даже если чисто технически это и его сын тоже.

Черт.

Я делаю прерывистый вдох и сажусь на скамейку. Сердце дико колотится, лицо горит.

Кажется, я и правда была близка к истерике.

Что со мной творится? Я взрослая самостоятельная женщина. Я пережила гораздо больше, чем многие в моем возрасте. Я умею спокойно вести даже самые трудные разговоры и умею не реагировать на хамство. Работа кассиром в супермаркете — тот еще тест на стрессоустойчивость.

Но стоило Вадиму Ардовскому опять появиться в моей жизни, как все мое самообладание полетело к чертям.

Я зябко обхватываю себя руками — слишком легко оделась из-за спешки — и иду ближе к полю, чтобы посмотреть на Данию. Он по факту старше всех этих ребят, потому что родился в начале года, но если бы я не знала этого, причислила бы его к самым младшим.

Почти все мальчишки тут крепкие, спортивные, очень напористые, а Дания на их фоне теряется. Он худенький, невысокий и совершенно неагрессивный.

Господи, ну зачем ему этот футбол?

У меня сжимается сердце, когда я вижу, как плечистый пацан с рыжими волосами грубо выбивает у Дании мяч, и мой сын летит на землю.

— Данил, все в порядке? — кричит с другой стороны поля Ардовский.

Мой сын кивает и встает.

— Посиди пока.

Дания идет к скамейке и тут замечает меня. Вспыхивает, опускает взгляд, и больше не смотрит в мою сторону до самого конца тренировки.

Звучит свисток, мальчишки собираются вокруг тренеров.

Дания стоит рядом с Ардовским и так старательно ловит каждое его слово, что внутри меня начинает ворочаться что-то, похожее на ревность.

Ардовский что-то втолковывает игрокам, а потом широко улыбается и, наверное, шутит, потому что все тут же взрываются хохотом. Дания тоже смеется.

Мальчишки расходятся, чтобы убрать поле после тренировки, а Ардовский кладет Данию руку на плечо и кивает в мою сторону.

Дания вздыхает и тоже кивает.

Они оба идут ко мне. Такие непохожие.

Высокий плечистый Вадим, смуглый и черноволосый, и мой Дания, тоненький, маленький, похожий на одуванчик со своими светлыми пушистыми волосами.

Лицо Ардовского спокойное и серьезное, а вот Дания явно перепуган.

Его напряженная спина и опущенные плечи ранят меня так сильно, что я почти забываю свой страх и свою злость.

Конечно, я не буду на него кричать.

Я просто заберу его сейчас домой, и мы уже там обо всем поговорим. После ужина. В спокойной обстановке.

Без Ардовского.

Я уже открываю рот, чтобы сказать ему «До свиданья», но не успеваю.

— Мы обсудили с Данилом сегодняшнюю ситуацию, — говорит Вадим, перехватывая инициативу. Его рука все еще лежит на плече у сына. — Он мне пообещал, что такое больше не повторится. Правда?

— Правда, — бормочет Дания, не глядя на меня. — Прости, мам.

— Кто не слушает родителей, тот не едет на турнир, — серьезно сообщает Ардовский. — В спорте без дисциплины никуда. Но так как это в первый раз, предлагаю ограничиться предупреждением. А еще двумя кругами по стадиону и двадцатью отжиманиями.

— И тогда я поеду на турнир? — дрожащим голосом уточняет Дания.

— Если это будет зависеть от меня, то да.

Дания облегченно выдыхает и бросает на меня робкий взгляд.

Я пока ничего не могу ему ответить, потому что совсем не была готова к такому повороту разговора.

Что происходит?!

Ардовский почему-то встал на мою сторону и даже придумал какое-то тренерское наказание для Дании, хотя сам же мне говорил, что одобряет его поступок.

Ничего не понимаю.

— Отдохнешь немного, Данил, или сразу побежишь? — спокойно спрашивает Ардовский, который в отличие от меня чувствует себя абсолютно непринужденно.

— Сразу, — быстро говорит сын. — Я не очень устал.

— Хорошо. Тогда вперед.

— Мам, подождешь?

— Конечно, — бормочу я. — Давай воду пока, я подержу.

Когда Даня снова убегает на поле, я поворачиваюсь к Ардовскому:

— Ну и что это было?

— Данил нарушил дисциплину, — пожимает тот плечами. — Приехал на тренировку без твоего согласия. И хотя по-человечески я целиком и полностью за него, но как тренер я не имею права так это оставить.

Ладно. Допустим.

— А зачем ты пообещал ему, что он поедет на турнир? — зло спрашиваю я.

— Я не обещал. Но я хочу, чтобы он поехал.

— А я не хочу, чтобы он ходил к тебе на тренировки, — цежу я сквозь зубы.

Ардовский смотрит на поле, где Даня идет на второй круг, и вдруг спрашивает хрипло и негромко:

— Полина, ты когда-нибудь любила что-то так сильно, что ради этого готова была на все? Я вздрагиваю.

«Любила... Тебя...»

— Что ты имеешь в виду? — так же хрипло отвечаю я.

— Твой сын влюблен в футбол. Я это вижу. Я был таким же. Запрещать бесполезно. Он все равно найдет способ, как попасть на поле. Я это понимаю, а ты, кажется, нет.

— И что ты предлагаешь? — беспомощно спрашиваю я.

— Забудь про то, что ты меня ненавидишь. И посмотри на меня как на тренера, который может многое дать твоему сыну. Я научу его всему, что смогу. Обещаю. Можем и дополнительные занятия организовать, если надо будет.

Ардовский смотрит своими черными, прожигающими меня насквозь глазами, и я опять, как в восемнадцать, не могу отвести от него взгляда.

— Пытаешься загладить вину? — выдавливаю я, стараясь звучать максимально зло и цинично.

— А что если да?

Глава 5.

Ардовский смотрит на меня, сунув руки в карманы, и его взгляд такой острый, такой изучающий, что мне хочется отвернуться.

— Не верю, что ты чувствуешь себя виноватым, — бормочу я.

— Не чувствую, — соглашается он. — Но ты до сих пор злишься. Я уже начинаю думать, что и правда что-то натворил. На что ты так сильно обижена, Поля?

— Не называй меня Полей, — цежу я.

— Окей. — Ардовский терпеливо вздыхает. — Пусть будет Полина. Что не так, Полина? Я понимаю, если бы я тебя бросил беременную, как это сделал какой-то козел после меня. Но у нас все было взаимно, разве нет? Мы оба получали удовольствие, вот и все. И ты с самого начала знала, что я скоро уеду.

— Откуда?! Ты мне ни разу не говорил, что ты тут ненадолго.

— Ты же знала, что я футболист, знала, где я играю.

— Я понятия не имела, где ты играешь, — устало говорю я. — Я просто была влюблена в тебя по уши, вот и все. Мне было плевать, чем ты занимаешься.

Он недоверчиво усмехается.

— Да ладно? Еще скажи, что не гуглила про меня информацию.

— Нет, конечно.

Ардовский вытаскивает руки из карманов, а потом снова их прячет. Откашливается, будто хочет что-то сказать, но не говорит. Кажется, в его непрошибаемой уверенности возникла небольшая трещина.

— Ну... тогда, прости?.. — наконец роняет он. — Кстати, я потом искал тебя, когда приезжал летом. Даже у мамы твой номер взял, но он оказался отключенным. Ты, видимо, поменяла его, когда переехала.

— Какая поразительная настойчивость для того, у кого все это время была девушка в Краснодаре, — ядовито говорю я.

Ардовский вздрагивает, в глазах появляется легкое смущение, которое тут же сменяется вызовом.

— А говоришь, не искала про меня информацию в интернете, — насмешливо говорит он.

— Не искала. Это твоя мама мне сказала. Надеюсь, что ты на этой девушке хотя бы женился. Хоть какой-то бонус за твои измены.

— Нет, женился я в итоге на другой, — говорит Вадим и едва заметно усмехается. — Приятно, что тебя все еще интересует моя личная жизнь, Полина.

— Не интересует.

— Скучала по мне?

От его наглости перехватывает дыхание.

— Вадим, — говорю я ласково, хотя внутри кипит ярость. — Я через несколько месяцев забеременела от другого. Похоже на то, что я скучала?

У него едва заметно дергается мускул на щеке, но он выдает широкую ухмылку.

— Одно другому не мешает. Я вот скучал по тебе.

— В таком случае мне безумно жаль твою бывшую девушку. И жену тоже жаль, — отрезаю я.

— Ты изменилась, — задумчиво говорит Ардовский, снова обводя меня взглядом, от которого по всему телу пробегают мурашки.

— Ты уже это говорил, — сухо отвечаю я и отворачиваюсь, давая понять, что разговор окончен.

С поля к нам бежит запыхавшийся раскрасневшийся Даня.

— Вадим! Я сделал двадцать пять отжиманий вместо двадцати! — кричит он.

— Красавчик. — Ардовский дает ему пять, и мой сын радостно отбивает его ладонь.

В моей груди ворочается смутное раздражение.

Даня не любит чужих. Долго привыкает к людям.

Прошло полгода, прежде чем у него в классе появились друзья, потому что он далеко не сразу готов открываться и общаться.

Почему тогда к Ардовскому он так тянется? Неужели и правда чувствует что-то?

Или это просто Ардовский включает свое сумасшедшее обаяние, пытаюсь перетянуть Даню на свою сторону?

Но зачем?

— Ты решила насчет футбола? — спрашивает Ардовский, когда Даня убегает в раздевалку.

— Еще нет.

— Если вопрос в оплате занятий, то не парься. Я взял этот клуб под свою финансовую опеку, все занятия и поездки для детей будут бесплатными, форму тоже покупаем за мой счет. Летом еще заменим покрытие на поле, и отремонтируем все помещения. Так что клуб будет просто конфетка.

— Откуда такая щедрость? — язвительно спрашиваю я, старательно скрывая удивление.

— Поля, — улыбается Ардовский. — Для меня это копейки.

— Ты подпольный миллионер?

— Скорее миллиардер, — пожимает он плечами. — И почему подпольный? Я успешный футболист с хорошими контрактами. Я не скрываю своих доходов. Последний контракт у меня был на тридцать миллионов в год.

— Тридцать миллионов рублей? — удивляюсь я.

— Долларов, — усмехается он.

Даже так...

— Э... рада за тебя, — неуклюже говорю я.

Никогда не думала, что Вадим Ардовский богат.

В моей голове спорт никогда не был связан с деньгами.

Но теперь мне, наверное, чуть больше понятно, почему Ольга Викторовна так старалась не подпустить меня к своему сыну. Почему так требовала аборт и почему обвиняла меня в том, что я дрянь и проститутка, которая специально легла под ее драгоценного мальчика.

Она боялась, наверное, что я буду претендовать на деньги Вадима. И я, и наш будущий ребенок.

Мы виделись с ней сразу после моего возвращения в город. Почти два года назад.

Случайно пересеклись в супермаркете.

— Здравствуй, Поляночка, — проговорила она тогда, цепко меня разглядывая. — Рада тебя видеть. В гости приехала?

— Здравствуйте. Нет, вернулась.

— Одна или с...

— Мама! — вдруг закричал Даня, стоявший у полок со сладостями. — Мама, можно я возьму эти вафельки?

— Можно, — выдохнула я, а Ольга Викторовна моментом изменилась в лице.

— Какой милый малыш, — процедила она.

— Этот малыш не имеет к вашей семье никакого отношения, — резко ответила я. — Его отец из Москвы.

— Да я сама вижу, что не имеет, — она снова глянула на Даню. — Совсем другие гены. Вадим в его возрасте был крепыш, а твой хилый какой-то. С филфака, наверное, муж у тебя, да? Они там все хилые. Когда я училась, у нас...

— Всего хорошего, — перебила я.
И мысленно пожелала ей сдохнуть.

Может, мои проклятия и подействовали, потому что я от кого-то слышала, что у Ольги Викторовны отказали ноги, и теперь она на улице появляется очень редко и только в коляске. Что ж, меньше шансов с ней встретиться.

И не нужны мне ни деньги ее сына, ни он сам.

Мы с Даней справимся и без этой семейки.

— Мы поехали, — говорю я, когда вижу выбегающего из раздевалки сына.

— Где у тебя машина? — спрашивает Ардовский.

— У нас нет машины, — отвечает вместо меня подошедший Даня. — Мы на автобусе ездим.

— Это гораздо удобнее, — возражаю я и беру сына за руку. — У нас остановка прямо возле дома.

— Мам, ты что? — сын изумленно поднимает на меня голубые глазенки. — Там от остановки топтать и топтать.

Черт.

Как же сложно врать, когда рядом ребенок.

— Я вас отвезу, — сообщает Ардовский.

— Не надо, — быстро говорю я, но мои слова тонут в радостном вопле Дани.

— Отвезу вас, — с нажимом повторяет Ардовский. — Ты в том же доме живешь?

— Да, — нехотя бормочу я.

— Тем более. Значит, нам по пути.

— Вадим, а откуда ты знаешь, где мы живем? — любопытничает Данил.

— Мама тебе не разве говорила, что мы с ней знакомы?

— Говорила.

— Ну вот, — широко улыбается он.

Даня семенит рядом с Ардовским, который уверенно шагает в сторону парковки, и мне ничего не остается, как пойти следом за ними.

Глупо устраивать сейчас скандал.

— Вадим, а какая у тебя машина? — снова лезет с вопросом Даня.

— Большая, — ухмыляется Ардовский и легким, очень естественным движением взъерошивает ему волосы.

Даня не делает попытки увернуться, как это обычно бывает, когда не очень знакомые люди пытаются его потрогать.

И мне это не нравится.

Как не нравится и та восторженность, с которой Даня смотрит на Вадима.

«Ардовский просто довезет нас до дома, и все, — мысленно успокаиваю себя я. — Первый и последний раз. Ничего страшного не должно случиться. А дома мы уже поговорим с Даней про субординацию и про то, какими должны быть отношения с тренером».

— Ого! — ахает Данька, когда видит шикарную, сверкающую черной полировкой машину. — Какая крутая! Только я не знаю, что это за марка.

— Феррари, — говорит Ардовский. — Хочешь сесть вперед?

— А у тебя есть детское кресло? — ледяным тоном перебиваю я.

— Э. Кресло?

Я вздыхаю. Детей у него точно нет — могу поспорить на что угодно.

— Это специальное такое сиденье, маленькое, — важно объясняет Даня. — Чтобы пристегнуть ребенка. То есть меня. Мы так в такси ездили, когда еще в Москве жили.

— Интересно... А обычное не подойдет?

— Не подойдет, — бескомпромиссно сообщаю я. — Так что спасибо за предложение, но мы лучше на автобусе.

Ардовский хмурится.

— Посидите тут в машине пару минут, — вдруг говорит он. — Я скоро вернусь.

— У нас нет лишнего времени! — сопротивляюсь я, но дверь уже открывается, и мой ребенок довольный плюхается на заднее сиденье, а Ардовский быстрым шагом спускается куда-то к дороге. — Вадим!

Черт.

Ну не бросим же мы его машину открытой?

— С ногами осторожнее, — со вздохом прошу я Даню. — Не испачкай тут ничего. А то Вадим будет ругаться.

— Не будет, — мотает головой мой сын. — Он добрый. Он меня сегодня похвалил, что я классно пас отдал! И всем сказал: смотрите, како й хороший пас у Данила получился.

Даня говорит это так гордо, что у меня сердце сжимается.

Да знаю я, знаю, что ему не хватает мужского влияния в жизни. Поэтому я в целом и согласилась на этот футбол. Но кто же знал, что все так неудачно сложится?

— Мам, а мы можем позвать Вадима в гости? — прыгает на сиденье сын. — Я ему свои карточки покажу футбольные. И свои мягкие игрушки.

— Дань, он твой тренер, — твердо пресекаю я этот восторженный поток. — Это то же самое, что учитель. С ними так не общаются. Ты же вашу Марину Евгеньевну не зовешь к себе в гости?

У Дани на мордашке отражается настоящий ужас, и он быстро начинает мотать головой.

— Кстати, о школе. Как ты оттуда умудрился уйти? — спрашиваю я. — Тебя же не должны были отпускать с продленки.

— Я сказал, что нам пора к врачу и что ты меня ждешь на улице, — объясняет сын.

— Врать нехорошо.

— Я знаю. Но если бы я не соврал, я бы не попал на тренировку.

— И что? Это конец света?

— Да, — очень серьезно говорит Даня.

И я даже не нахожусь, что ответить.

В голове сами собой всплывают слова Ардовского: «Твой сын влюблен в футбол. Запрещать бесполезно. Он все равно найдет способ, как попасть на поле».

Хочу ли я, чтобы мой ребенок мне врал?

Или лучше встать на его сторону, рискуя тем, что Даня привяжется к тому, кого вообще не должен знать?

Мои размышления прерывает Ардовский.

— Вот! — кричит он издали и демонстрирует на вытянутой руке детское кресло.

— О господи, — бормочу я. — Все-таки нашел где-то.

Может, внешне Даня с Вадимом и непохожи, но ослиное упрямство в достижении целей — это определенно то, что их объединяет.

Не знаю даже, плакать от этого или радоваться.

— Мама, мама, смотри! — дергает меня Даня. — Кресло! Значит, мы поедem? Поедем с Вадимом? Можно, да? Мам! Ну мам!

— Можно, — сдаюсь я.

Как будто у меня был выбор.

— Ура! Ты самая лучшая мама!

— А ты сегодня лишен мультиков, — мрачно говорю я. — За побег из школы и за мой почти инфаркт.

— Ну и ладно, — совсем не огорчается Даня.

— Где ты это взял? — не выдерживаю я, когда сияющий Ардовский подходит к нам с этим дурацким креслом.

— Купил у таксиста, которого тормознул на дороге.

— И что? Он просто так взял и продал тебе его?

— Я много предложил, — усмехается Вадим.

— Стоило так стараться ради нас... — бормочу я.

— Мне не сложно, — пожимает он плечами.

Ардовский наклоняется, чтобы поставить кресло в машину. Его белая футболка задирается, открывая полоску голой кожи над поясом спортивных штанов, и я резко отворачиваюсь, потому что кровь бросается мне в лицо.

Ужас. Мне что, все еще восемнадцать? С каких пор меня смущает вид обнаженной мужской спины?

Тем более что именно эту спину я трогала и гладила. И до сих пор помню, какое чувствительное место сразу у позвоночника, если провести по нему ногтями. И как ощущается на вкус плотная гладкая кожа...

Боже!

О чем я только думаю?!

Перестань, Полина. Срочно перестань.

Не поднимая взгляда, я помогаю Дане залезть в кресло, пристегиваю его, а сама иду на заднее сиденье.

Это не самый плохой вариант, потому что здесь хотя бы мне не придется разговаривать с Ардовским.

Но очень быстро я понимаю, как сильно была не права.

Потому что чертов Ардовский начинает разговаривать с Даней! И это гораздо. Гораздо хуже.

Глава 6.

Вадим

Данил смотрит на приборную панель с таким восторгом, как будто первый раз видит машину.

— Будешь мне дорогу показывать? — спрашиваю у него. — Я помню, куда ехать, но могу запутаться. Или лучше навигатор включить?

— Я сам покажу! — Данил едва не выпрыгивает из штанов. — Я знаю! Вот здесь прямо надо! А потом направо.

Он предлагает мне довольно длинный путь. Наверное, так едет автобус, на котором его возит сюда Поля.

И хотя я уверен, что можно где-то срезать через дворы и доехать быстрее, я киваю.

Все равно никуда не тороплюсь.

— Здесь направо? — спрашиваю я, подъезжая к перекрестку.

— Здесь, — солидно кивает Данил.

Забавный.

От кого она его родила?

В первую секунду когда я их встретил и вдруг осознал, что это может быть мой сын, меня накрыло жесткой паникой. А потом после резкого ответа Поли пришло облегчение.

Облегчение... и еще что-то.

Глухое раздражение, переходящее в злость.

Да, тупо злиться, что девчонка, с которой я весело провел пару недель, почти сразу прыгнула в постель к кому-то другому. Тупо. Я ведь и сам, пока с ней гулял, был по факту в отношениях.

Но я все равно бешусь.

Потому что Поля... Это Поля.

Когда я уехал и оставил ее в слезах, таким мудаком себя чувствовал. Вроде и не планировал ничего с ней продолжать, но вернулся в Краснодар и понял: не получается закончить. Все равно думаю про то, как с ней было классно.

Ленка, с которой мы тогда официально были парой, меня в аэропорту встречает, целует, на шею вешается, а я не могу. С души воротит. Расстался с ней на следующий день.

Впереди была неделя жестких тренировок, потом не менее жесткие матчи за выход в плей-офф, но даже когда я подыхал от усталости, перед глазами стояла Поля. Светловолосая, с робкой улыбкой и тонкой талией, на которой так хорошо смотрелись мои руки.

Меня никогда не привлекали хорошие девочки, они обычно были слишком скучными для тех развлечений, которые мне нравятся. Но вот Поля зацепила. К ней тянуло так, что внутри аж все сворачивалось от желания.

Плей-офф и травма плеча помогли мне успокоиться и прочистить голову, но когда я летом приехал в родной город, не смог удержаться. Пошел к знакомому дому и подъезду и позвонил в дверь. Решил, что если откроет не Поля, а ее мама, наболтаю что-нибудь. Но никто не открыл.

Когда понял, что других вариантов нет, спросил у мамы, где ее ученица.

— Поступила и уехала, — отрезала она. — Тебе какое дело?

— Скучно. Погулять с ней хотел.

— Знаю я твои прогулки!

Но телефон ее мне все-таки дала. Правда толку? Там никто не отвечал, только гудки шли. Не судьба.

И вот прошло столько лет, и я снова встречаю Полину.

Встречаю в том же городе, где я ее когда-то целовал на каждой из скамеек набережной и прижимал к каждому дереву центрального парка.

Самое забавное, что внешне Поля почти не изменилась. Такая же голубоглазая девчонка, даже волосы той же длины. И фигурка по-прежнему изящная, роды ее не испортили.

Вот только взгляд теперь у нее другой. Взрослый, злой. И голос такой, что им можно, блин, океан заморозить.

— Здесь прямо, — говорит Данил.

— Спасибо.

Я искоса разглядываю пацана, пытаюсь найти в нем хоть какие-то черты его неведомого папаши. Но ничего не нахожу.

Данил — просто копия своей мамы.

Если не считать любви к футболу.

— Тебе нравилось в Москве? — спрашиваю я пацана.

— Не знаю.

Вообще он такой, робкий. Ему другие ребята задают вопросы, а он глаза в пол опускает и молчит. Макс, второй тренер, сегодня спросил, какой ногой ему удобнее по мячу бить, а Данил пробормотал что-то еле внятное и все.

Но со мной он вроде нормально разговаривает.

— А где лучше: в Москве или тут? — продолжаю я.

— Тут. Мне в школе больше нравится, чем в садике. Там воспитательница кричала все время. А еще у меня тут своя комната есть.

— А в Москве не было?

— Нет. Там тоже было две комнаты, но в одной была бабушка, а в другой мы с мамой. А когда бабушка умерла, мама сказала, что нам надо вернуться, потому что денег ма...

— Даня! — звучит резкий окрик Полины с заднего сиденья.

— Что? — Он непонимающе хлопает ресницами.

Пользуясь тем, что мы стоим на светофоре, я оборачиваюсь.

Лицо Поли покраснелось, голубые глаза сверкают яростным огнем.

— Мои соболезнования, — тихо говорю я, и мне мучительно хочется протянуть руку и коснуться ее щеки. — Я не знал про твою маму.

— Ты и не должен был, — сухо отвечает она и отворачивается к окну.

— У бабушки был рак, — влезает Данил. — Ей сначала сделали операцию за много денег, и она домой вернулась, но уже не играла со мной. А потом... — У него вдруг едва заметно срывается голос. — Потом...

— Мне очень жаль, — быстро говорю я, пока он не расплакался.

Понятия не имею, что делать с плачущими детьми.

— Мне тоже, — очень по-взрослому вздыхает Данил. — Жалко, что у человека только одна бабушка бывает.

— Две, — машинально поправляю я. — Одна со стороны мамы, а другая от папы.

— Так у меня нету папы, — возражает Даня. — Поэтому и бабушки от него тоже нету.

— А куда он...

— Наш дом! — почти выкрикивает Полина. — Останови тут.

В голосе у нее настоящая ярость.

Я торможу у шестого подъезда (надо же, до сих пор помню, какой) и хочу помочь Дане отстегнуться, но со стороны его двери уже подлетает Поля.

Когда только успела выскочить из машины?

Она молниеносно забирает сына, приобнимает за плечи и протягивает ему ключи:

— Солнышко, отнеси домой рюкзак и вещи с футбола, чтобы не таскать их. Мы с тобой сейчас еще в магазин за булочками пойдём. А я тебя тут подожду, заодно поговорю с твоим тренером про расписание занятий.

Голос у Поли ласковый, но взгляд обещает мне скорую смерть.

Как только Даня скрывается за дверью подъезда, Полина резко делает шаг ко мне и шипит как змея:

— Если ты еще раз посмеешь лезть к моему ребенку с такими вопросами, я тебя задушю. Тебя не касается наша семья, тебя не касается, кем был его отец, тебя вообще ничего не касается из жизни моего сына. Ты понял меня, Ардовский?

— Понял, — хрипло соглашаюсь я и продвигаюсь к ней еще ближе.

Она пылает от негодования, она вся такая горячая, яростная, настоящая, что у меня внутри вспыхивает большое и совершенно неуместное сейчас желание.

Не могу оторвать взгляда от ее губ. Алых, искусанных и таких манящих, что я почти вспоминаю их вкус. Хотя это было... сколько лет назад?

Мои руки будто сами собой касаются ее запястья. Я обжигаюсь о ее нежную прохладную кожу, между нами искрится напряжение, но это длится буквально секунду, прежде чем Полина меня резко отталкивает.

— Больной? — задыхаясь, спрашивает она. — Не смей меня лапать.

— Лапать? Поль, я просто взял тебя за руку.

Она отступает от меня дальше.

— Ты что-то еще хотела мне сказать? — мягко спрашиваю я. — А то там скоро уже Данил вернется. Кстати, это нормально — отпускать его одного в подъезд? У вас там безопасно?

Ее голубые глаза снова вспыхивают ненавистью.

— Не твое дело. И не думай, что я не вижу, как ты пытаешься понравиться Дане. Не знаю, зачем ты это делаешь, но прекрати это. Немедленно. Не общайся с ним больше.

— Я его тренер. Я не могу с ним не общаться.

— У вас есть и другие тренеры.

— С другими он не разговаривает. А со мной разговаривает, как видишь.

Полина угрюмо молчит. Не похоже, чтобы ей это нравилось.

Кажется, она реально думает, что я что-то специальное делаю, чтобы Даня со мной общался, но правда в том, что я ничего не делаю.

Я где-то слышал, что детям просто нравятся те, кому нравятся они, а мне этот пацан на самом деле чем-то симпатичен.

Не знаю чем.

Может, из-за того, что он копия Поли.

Может, из-за того, что он забавный и какой-то абсолютно искренний даже на фоне других детей.

А может, мне нравится его любовь к футболу и то, как он старается на поле, хоть у него и хуже всех получается.

Не хватает все-таки напора пацану. Упражнения он делает отлично, а как на поле выходит — сразу теряется. Стоит весь неуверенный.

Впрочем, откуда ему взять уверенность? Отец непонятно где и кто, бабушка умерла, остается одно мягкое мамино воспитание.

Я по себе знаю, что хорошего в этом мало. Неизвестно еще, что бы со мной было, если бы я в девять лет не прошел отбор в московскую футбольную академию.

— Слушай, Поль, — говорю я максимально мирным голосом. — Ты же понимаешь, что твоему сыну нужно мужское общение. Я бы мог, например...

Я не успеваю договорить, потому что хлопает дверь подъезда и оттуда выходит Данил.

Полина тут же бросается к нему и берет его за руку как маленького. Смотрит на меня враждебно.

— Спасибо, что подвез. Нам пора в магазин. Даня, скажи спасибо своему тренеру.

— Спасибо, Вадим, — широко улыбается он. Я вижу, что внизу у него не хватает двух зубов. Забавно выглядит. — У тебя классная машина.

— В следующий раз дам порулить, — подмигиваю я.

— Твой тренер шутит, — говорит Полина с каменным лицом. — Идем, солнышко.

Они уходят в противоположную от меня сторону, и пока Полина целеустремленно шагает вперед, ко мне поворачивается Данил и украдкой машет ладошкой. Я улыбаюсь и машу ему в ответ. Данил важно кивает, отворачивается и семенит за мамой.

Надо садиться в машину, а я почему-то стою и смотрю им вслед. Какое-то странное чувство пустоты, которое расползается внутри в тот момент, когда они скрываются за поворотом.

Будто все самое осмысленное и интересное, что происходило сегодня, закончилось.

Может, еще какую-нибудь группу взять для тренировки? Забить максимально расписание, чтобы там не осталось ничего, кроме футбола и моей личной восстановительной программы?

Рассеянно сажусь в машину и еду в сторону маминого дома. Тут недалеко, всего пару дворов.

Оставляю тачку во дворе, поднимаюсь и еще с лестницы слышу шум телевизора. Кажется, у мамы ухудшается слух, но признавать она это категорически отказывается.

— Привет, — говорю я, входя в зал.

Мама, удобно расположившись на диване, смотрит какой-то исторический фильм. Она их обожает.

— Здравствуй, сыночек. — Мама тут же выключает фильм и тянется ко мне. Я обнимаю ее, целую в щеку.

— Как твои дела? Почему ты одна? Где Надя?

Надя — сиделка, которую я нанял, когда у мамы перестали слушаться ноги. Мне повезло, что они с Надей быстро нашли общий язык, и я мог за маму не переживать.

— Ей на почту надо было сходить, я ее отпустила. Тем более я знала, что ты скоро вернешься. Поможешь мне в кресло пересесть? Я тебе чаю вскипячу и пирожки из холодильника достану.

— Не хочу, мам, спасибо. Сиди, не напрягайся.

— Как у тебя дела?

— Да все нормально. Мелких потренировал, а до тренировки еще заглянул в квартиру, которая на Ленина, посмотрел ее. Хорошая. Уже договорился, что сниму.
Мама поджмает губы.

— У тебя дома своего нет, что ты хочешь квартиру снимать?

— Мам, это твой дом, — мягко, но твердо напоминаю я. — Я же не на неделю приехал. Я буду жить здесь до начала лета. Мне надо тренироваться, я поставлю себе в отдельной комнате тренажеры, у меня свой график сна, еды и всего остального. Не говоря уже про личную жизнь.

— Можешь просто сказать, что мать тебе мешает, — сухо говорит она и обиженно отворачивается.

Но на меня ее манипуляции давно не действуют.

— Я буду жить отдельно. Это решенный вопрос, — сообщаю я и, пытаюсь уйти от неприятной темы, добавляю: — Кстати, представляешь, кого я тут встретил? Полину.

Мама резко вздрагивает.

— Твою бывшую ученицу. Помнишь? Я еще у тебя ее телефон просил, — продолжаю я.
— Ее сын ко мне в группу ходит. Хороший пацан.

Мама молчит.

Вообще-то ее хлебом не корми — дай посплетничать, поэтому я и упомянул про Полину.
Может, мама что-то слышала про то, как она живет, где работает, от кого у нее сын.

Но ничего такого она не говорит.

Вместо этого тоном, который меня безумно бесит, сообщает:

— Тебе бы самому подумать о детях, сыночек. Годы идут. Если Тая не смогла тебе родить, так ну и бог с ней, свет на ней клином не сошелся.

— Мам, — резко обрываю я. — Кто тебе сказал, что Тая не смогла родить?

— А из-за чего еще ты с ней развелся?! — удивленно спрашивает она. — Я-то сразу поняла, что у нее по этой части не все в порядке. Все-таки эти модели, сынок, не самый лучший вариант для создания семьи. Но ты ж меня никогда не слушаешь, а я...

— Мой развод с Таяй — наше с ней дело. Не твое, — с нажимом говорю я. — И я больше не хочу об этом слышать.

— Но...

— Ни одного слова. Иначе я встану и уйду.

Мать показательно шмыгает носом, но на меня это не действует.

— Давай я лучше чайник поставлю, — говорю я. — Какой тебе заварить? Зеленый?

— Нет, с бергамотом, — вздохнув, сдается мама.

Я иду на кухню и думаю о том, что про Полину она мне так ничего и не сказала.

Ни единого слова.

Глава 7.

У меня внутри настоящий хаос. Появление Ардовского все перетряхнуло в душе, перевернуло вверх дном мою налаженную жизнь, а главное — вбило клин между мною и сыном.

И это пугает больше всего.

У нас никогда не было с Даней серьезных конфликтов. Он рос вдумчивым мальчиком, с ним всегда можно было договориться, даже в раннем детстве он не был склонен к типичным истерикам малышей типа «купи-купи» или «дай-дай-дай».

Но с этим футболом он уперся так сильно, что я просто не понимаю, что делать.

По-хорошему, надо дать ему возможность заниматься тем, что нравится. Раз футбол делает моего сына счастливым, пусть будет футбол.

Но проблема в том, что с футболом сейчас неразрывно связан Ардовский, который слишком сильно интересуется моим ребенком.

У меня внутри опять поднимается злость, когда вспоминаю его вопросы про мою маму и про отца Дани.

Интересно, а если бы Ардовский узнал, что этот отец — он, что бы было?

У меня по коже моментально проходит мороз, потому что такое даже в самом страшном сне не привидится.

Говорят, что такие знаменитости или откупаются от своих незаконных детей, или силой забирают их у матери и воспитывают сами. И если от первого варианта мне просто тошно, то второй заставляет меня похолодеть от ужаса.

Нет. Никогда. Никогда в жизни Ардовский не должен узнать эту тайну.

Вечером я укладываю Даню спать, сажусь за сценарий, где как раз двое героев встречаются после разлуки, но мысли мои не про текст.

Я почему-то думаю про тот момент, когда чертов Ардовский взял меня сегодня за руку.

Меня моментально затрясло, внутри словно лопнул огненный шар, а кожа покрылось мурашками и стала такой болезненно чувствительной, что я до сих пор ощущаю отпечатки его пальцев на запястье.

Как клеймо.

Господи, я буквально ненавижу себя за то, как все мое тело отозвалось на его прикосновение.

Против моей воли, да!

Но отозвалось.

Наверно, это какая-то мышечная память, с которой сложно что-то сделать, ведь Ардовский — единственный, с кем я была.

И с ним мне было хорошо.

Хорошо...

Какое же это пустое и неуклюжее слово, которое никак не отражает того счастья и ощущения невероятной цельности и правильности, которое я получала, когда руки Вадима гладили меня, когда он целовал меня, когда укладывал голову ко мне на колени, а я перебирала его волосы.

Столько лет прошло.

А стоило ему один раз меня потрогать, и как будто по проводам заброшенной электростанции вновь пустили ток...

Я резко встаю из-за рабочего стола, иду в ванную, умываюсь ледяной водой и возвращаюсь к ноутбуку.

Некогда страдать и думать про прошлое. Мне надо написать еще одну сцену. А потом лечь спать. Завтра — очередной непростой день.

Утро получается очень сумбурным, потому что мы просыпаем. Я не слышу будильник, меня будит Даня, и мы с ним суматошно бегаем по квартире, забыв на время и о футболе, и о Вадиме.

Я отвожу Даню в школу, чудом успеваю за две минуты до звонка, а потом возвращаюсь и начинаю собираться на свою работу.

Сегодня это трехкомнатная квартира в центре, клининг перед заездом жильцов.

Хороший заказ, особенно если там мебели будет мало.

Такие квартиры мыть намного проще и быстрее, чем захламленные, а платят за них примерно столько же.

Если я управлюсь до обеда, то успею еще одну сцену написать. Или хотя бы половину.

Надо поторопиться на самом деле: чем раньше я сдам сценарий, тем быстрее я получу деньги.

Конечно, если его примут.

Но об этом я предпочитаю не думать.

Если сразу представлять, что мои многодневные труды окажутся бессмысленными, то вообще не захочется ничего делать. Проще уж тогда лечь на пол и помереть.

Но я не могу себе такое позволить. У меня ребенок.

И всю жизнь мыть чужие квартиры я тоже не смогу, так что надо всеми силами выкарабкаться в другую профессию, где будет больше денег и перспектив.

А пока... Пока вот так.

С огромной сумкой на плече, где лежат все мои моющие средства, тряпочки и запасная одежда, я звоню в домофон элитного дома — ровно за пять минут до назначенного времени.

Мне открывают сразу, даже не спрашивают, кто.

Поднимаюсь на лифте на нужный этаж, выхожу с заученной профессиональной улыбкой и уже готовлюсь сказать: «Добрый день, я из клининговой фирмы, меня зовут...»

Но слова застревают в горле мерзким комком.

Потому что на пороге квартиры стоит Ардовский.

— Полина?

Он растерянно смотрит на меня.

Я бы очень хотела сказать, что ошиблась дверью и что просто проходила мимо, но сумка с логотипом клининговой компании не дает этого сделать.

Краска заливает щеки, я изучаю взглядом свои кроссовки, и мне безумно хочется провалиться сквозь землю.

Я не считаю свою работу унижительной.

Я вообще не считаю никакую работу унижительной, но убираться... у него?

Это какой-то новый уровень издевательства над моей самооценкой.

Но я справлюсь.

Справлюсь.

Я быстро-быстро моргаю, не давая предательским слезам выкатиться, и поднимаю голову. Улыбаюсь.

— Здравствуй, — говорю я фальшивым дружелюбным тоном. — Неожиданная встреча. Не мог бы ты пустить меня в квартиру? У меня просто сейчас рабочее время начнется.

Ардовский молча отступает в сторону, давая мне войти.

Но едва я ставлю сумку на пол и хочу разуться, как он хватается за мою руку.

— Что происходит, Поля? — спрашивает он резко и требовательно. — Почему ты работаешь уборщицей?

— Станный вопрос, — говорю я с натужной улыбкой. — Потому что людям нужны те, кто будет убираться в их квартирах, это вполне логично. Клинер вообще очень востребованная профессия. Ты и сам это можешь подтвердить. Ты ведь не вызвал сегодня учителя или музыканта, правда?

— Поля. — Его пальцы сжимают сильнее мое запястье. — Срать я хотел на востребованность этой профессии. Почему *ты* этим занимаешься?

Это «ты» хлестко ударяет по остаткам моей самооценки, и сейчас сдержать слезы еще сложнее, чем когда я только сюда зашла.

Но я справляюсь. Мне помогает злость.

— Потому что, представь себе, мне в супермаркетах почему-то не дают бесплатно продукты, — огрызаюсь я и выдергиваю свою руку из его хватки. — И одежду ребенку тоже надо на что-то покупать. И канцтовары. И игрушки. На все нужны деньги, что поделать. И какое тебе дело до того, как я их зарабатываю?

— Ты же в Москве училась, — сквозь зубы говорит Ардовский. — Неужели не нашлось более подходящей для тебя работы?

— Я не доучилась, — отрывисто говорю я. — Ясно?

— Из-за того, что... — Он хмурится.

— Да, из-за того, что забеременела. Еще вопросы есть? — Я вижу в его взгляде унижительную жалость и быстро добавляю: — У меня есть нормальная работа. Я начинающий сценарист. Там просто есть сложности с регулярными выплатами за сценарии, и... в общем, неважно. Тебя это не должно касаться. Там хорошая перспектива, просто довольно сложно пока равномерно распределить заработки и приходится вот так подстраховываться.

Я не собиралась ничего этого говорить. Я не планировала ничего ему объяснять.

Но почему-то говорю и объясняю.

Неужели мне все еще важно, что он обо мне подумает? Какая мне разница, кем он меня увидит — уборщицей или автором сценариев?

Но, получается, есть разница.

Ардовский смотрит на меня со странным выражением лица. Я не могу его разгадать.

— Сценарист, — медленно повторяет он. — Это здорово.

— Да, мне тоже нравится, — говорю я. — И платят хорошо.

На последней фразе я делаю особый акцент, чтобы Ардовский понял, что я не нищенка. У меня все в порядке.

— Тебе не помогает отец Данила? — спрашивает он.

Черт, ну вот куда ты лезешь?!

— Нет, — грубо говорю я, наклоняюсь и расстегиваю молнию сумки. — Я могу приступить к работе? У меня не так много времени, а у тебя большая площадь. И за болтовню мне никто не платит.

Ардовский ничего не отвечает, зато достает из кармана телефон и что-то там делает. Это бесит.

Так сложно пустить меня в свои комнаты или что?

— Слушай, Поля, с уборкой получилась накладка, — наконец сообщает он и спокойно на меня смотрит. — В ванной трубу прорвало и нет воды. Ты не сможешь ничего помыть. В общем, я отменил заказ в приложении.

— Но я уже приехала, — растерянно говорю я. — И с тебя все равно снимут оплату.

— Уже сняли. Всю сумму. Я написал, что к тебе нет претензий и что проблема на моей стороне, готов все компенсировать, — кивает Ардовский и выглядит при этом таким безмятежным, что до меня доходит.

— Вадим!

— Что?

— Ты врешь! У тебя все в порядке с водой!

— А ты еще и по трубам спец, Поля? — с ласковой насмешкой спрашивает он, и это почему-то звучит совсем необходимо.

— Я спец по вранью, — парирую я. — Как любая мама.

Ардовский улыбается, чуть прикусывая нижнюю губу, словно хочет скрыть улыбку, и у меня вдруг останавливается дыхание.

Господи.

Даня делает так же. Особенно когда пытается не засмеяться, если я его щекочу.

Ровно так же цепляет краем зубов нижнюю губу.

Я резко отворачиваюсь, в голове шумит, пульс колотится как бешеный.

— Полина?

У него обеспокоенный голос.

— Поля, ты что?

— Все в порядке. Просто... просто... — Отговорка не находится, и вместо этого я с трудом выговариваю: — Спасибо. За отмену и... ты не обязан был, я бы помыла. Мне не сложно.

— Зато мне сложно, — хмуро говорит Вадим. Трет висок, как будто у него болит голова, и спрашивает: — Будешь кофе?

— Я не пью кофе.

— Да?

— Да.

— Прости, я забыл, наверное.

— Ты и не знал скорее всего, — легко пожимаю я плечами.

Повисает неловкое молчание.

Это еще одно подтверждение того, что у нас с Ардовским не было ничего серьезного. Несколько встреч. Мало разговоров. Много поцелуев, касаний, смеха.

И одна фатальная ошибка.

— У меня здесь только кофе, я еще не успел заказать доставку продуктов, мебель тоже только завтра привезут. Прости. Но в следующий раз, когда придешь...

— Вадим, — перебиваю я его. — Не будет никакого следующего раза.

— А мне кажется, что будет, — провокационно тянет Ардовский. — Поспорим?

Он смотрит на меня с легкой усмешкой, а в темных глазах горит вызов.

Ему развлечений что ли мало? Не с кем в кровати покувыркаться, пока жена не приехала?

— Мне пора, — сухо говорю я и снова хватаюсь за сумку. — Раз уборка невозможна и заказ ты отменил, я поеду домой, там тоже еще гора дел.

— Я тебя отвезу.

— Не надо. Вадим! Да Вадим...

Он играючи вырывает у меня из рук сумку с клининговыми принадлежностями и вытягивает ее над головой, не давая мне до нее дотянуться.

— Ты ведешь себя как ребенок! — обвиняю я.

— Я все равно еду в ту сторону, — говорит Ардовский и ловко обувается, не отпуская сумку. — Мне надо к маме заглянуть. Тебя тоже заброшу. Поехали. На автобусе ты долго будешь тащиться.

Долго.

Это правда.

Я сдаюсь и иду следом за ним сначала по лестнице вниз, а потом к уже знакомой мне машине.

Сумку он кладет в багажник, а мне открывает дверь спереди. Помедлив, я сажусь, решив, что спорить сейчас уже нет смысла.

Вадим обходит машину, садится за руль и выезжает со двора.

Сначала мы оба молчим, и я уже с облегчением думаю, что так и будет всю дорогу, но тут вдруг он бросает:

— У меня есть связи, Поля. Я могу помочь, если надо.

— С чем?

— С алиментами. Найти этого мудака через суд и пригрозить.

— Не надо! — испуганно выпаливаю я. — Пожалуйста, не надо!

— Почему? — хмурится Вадим.

— Я не хочу видеть его в жизни Дани. И в своей тоже. Мне ничего от него не нужно.

Вадим молчит. Руки напряженно сжимают руль.

— Он знал про ребенка? — глухо спрашивает он.

— Знал, — вру я.

— Мразь.

— Мало ли мужчин отказывается от своих детей, — пытаюсь я сгладить разговор, который явно ушел куда-то не туда.

— Я бы никогда не отказался, — зло говорит Ардовский. — Никогда. Ребенок должен расти с отцом.

Моя спина моментально становится мокрой, а все тело сжимается в один напряженный комок.

От его слов мне становится страшно.

Очень и очень страшно.

Глава 8.

По-хорошему, мне надо замолчать и закрыть эту тему, ради моей же безопасности, но меня словно кто-то за язык тянет.

— А если мать ребенка не хочет жить с его отцом? — спрашиваю я, вопреки страху и инстинкту самосохранения. — Что тогда делать?

— Зависит от причин. Если потому, что он козел, это одно. А если это просто ее каприз, то надо делать так, как лучше для ребенка, — сухо говорит Вадим. — Не знаю, как с девочками, но папану точно нужен отец. Поверь, я это по себе знаю.

Интересно, а я ведь никогда не задумывалась о том, где же муж Ольги Викторовны. И был ли он вообще.

— А твой папа... — осторожно начинаю я. — Он...

— Развелся с матерью, когда мне было семь. Хотел забрать меня к себе, но по суду я остался с мамой. Отец в итоге уехал на Дальний Восток, там снова женился, сначала приезжал раз в год на мой день рождения, потом перестал, — равнодушно сообщает Ардовский, как будто его это абсолютно не волнует.

— И вы теперь совсем не общаетесь?

— Общаемся. Но это не отменяет того, что отца у меня по факту не было.

У Дани тоже нет отца.

И не будет.

Если только...

Я вдруг против своей воли думаю о том, что было бы, если бы тот разговор с Ольгой Викторовной закончился звонком Вадиму. А не тем, что она меня выгнала и отправила на аборт, пригрозив судом и оглаской.

«Нагуляла от кого-то, а теперь на нас хочешь своего ублюдка повесить? У моего мальчика вся жизнь впереди, у него невеста есть, ты ему и даром не сдалась, — шипела она мне тогда в лицо. — Марш на аборт, и только попробуй найти Вадика и что-то ему сказать, поняла? Весь город тогда узнает о том, какая ты проститутка, обещаю! Твоя мать от стыда умрет, а тебе ни один приличный человек руки не подаст! Еще и в суде окажешься за клевету, проשמандовка!»

Это я сейчас понимаю, какими идиотскими были ее угрозы, а тогда меня буквально трясло. Слезы градом лились, я даже сказать ничего не могла: заикалась от плача и ужаса.

Все еще удивляюсь, как я в таком состоянии вообще дошла до дома, а не сбросилась по дороге с моста.

Но ведь не сбросилась же.

Еще и отстояла жизнь своего сына, не пошла на аборт, хотя этого требовали и Ольга Викторовна, и моя мама.

А если бы тогда обо всем узнал Вадим, что бы было? Он бы женился на мне и мы бы стали вместе воспитывать Даню? Или он бы отвел меня за руку в больницу и лично бы проследил, что проблема решена?

Этого я уже никогда не узнаю.

И это неважно. Правда, неважно.

Но почему-то я впервые чувствую себя так, как будто виновата. Как будто я должна сказать Ардовскому всю правду.

Но должна ли? Разве у него и его семьи есть право на моего ребенка?

— Приехали. — Вадим тормозит у нашего подъезда.

— Спасибо. И пока.

Мне хочется поскорее сбежать от Вадима. Внутри клубится необъяснимый страх, что он может догадаться, о чем я сейчас думаю. И вообще — догадаться.

— Я сумку тебе до квартиры донесу, — говорит Вадим.

— Не надо! Она не тяжелая.

— Я донесу, — с нажимом повторяет он. — Это не обсуждается.

— Отлично... Мое мнение тут хоть кого-то интересует? — бормочу я себе под нос, выбираясь из машины.

Вадим уже тем временем достал сумку из багажника и стоит меня ждет.

Я молча иду к подъезду, открываю дверь и иду по лестнице.

Вадим следует за мной.

Лифта в нашем доме нет, и какая-то часть меня радуется, что я не тащусь на четвертый этаж с сумкой, которая оттягивает плечо. Другая же часть чувствует себя словно зверь, за которым крадется хищник.

Мы останавливаемся перед дверью в нашу квартиру.

— Спасибо, — говорю я и протягиваю руку, чтобы забрать сумку.

Вадим не отдает.

— Я могу занести сразу в дом, — предлагает он.

— Какой грубый способ напроситься в гости, — язвительно комментирую я.

— Если цель достигнута, разве важен способ? — усмехается он.

— Важен. Дай, пожалуйста, сумку, Вадим. Я в любом случае не стала бы тебя пускать к себе в квартиру.

— Почему?

— Не имею привычки звать в гости незнакомых людей. Только друзей. А друзьями мы никогда не были и, уж прости за честность, не будем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.